

Этика пыли

Автор:

Джон Рёскин

Этика пыли

Джон Рёскин

«Этика пыли» (1866) – трактат британского арт-критика, писателя и социального мыслителя Джона Рёскина, выполненный в форме платоновских диалогов старого профессора и учениц. Этот необычный текст служит своего рода введением в проблему кристаллизации, структурной формы, присущей предметному миру, окружающему нас, и содержит в себе мысли Рёскина о системе образования, развитии европейского изобразительного искусства и дизайна и месте человека в мире. Книга была написана по следам лекций, прочитанных в Оксфорде, Брэдфорде и Манчестере в 1860-х годах.

Джон Рёскин

Этика пыли

© Перевод Л. П. Никифорова под ред. А. Шафран, 2015

© К. Кобрин, послесловие, 2015

© Ад Маргинем Пресс, 2015

© Фонд развития и поддержки искусства «АЙРИС» / IRIS Foundation, 2015

Предисловие

Беседы, вошедшие в книгу, я действительно вел в одной провинциальной школе для девочек, где мне приходилось бывать, когда я рассматривал возможность ввести лучшие способы обучения рисованию в современную систему женского воспитания; мы, благодаря долгим разговорам, стали большими друзьями с ученицами этой школы. Беседы наши почти всегда проходили в форме вопросов и ответов – такими они и предстают в книге, поскольку живые диалоги интереснее сухого трактата. В беседах в разное время принимали участие многие ученицы (школа была большая); я постарался, не увеличивая количества воображаемых[1 - Говоря «воображаемых», я отнюдь этим не отрицаю, что часто позволял себе дружескую бесцеремонность воспоминаний; надеюсь, мои ученицы и их друзья простят меня, так как иначе я не мог бы написать этой книги. Только два эпизода во всех диалогах и история Дотти взяты из жизни. [Примечание автора.]] действующих лиц, воспроизвести общий тон замечаний и вопросов моих юных собеседниц.

Читатель, вероятно, сразу заметит, что беседы не являются введением в минералогию. Цель состояла в том, чтобы в душах молодых девушек, уже способных работать серьезно и систематически, пробудить живой интерес к предмету. Никакую науку невозможно изучать шутя; но часто шутя можно извлечь плоды из прежних занятий или указать достаточные основания для будущих работ.

Я не задавался какой-нибудь узкоспециальной целью, хотя это и не может служить оправданием того, что я не коснулся многих важных аспектов строения некоторых групп минералов. Но я не стал вдаваться в подробности, не имея необходимых иллюстраций. Однако, если читатель найдет эту книгу полезной, я, возможно, постараюсь пополнить ее изображениями и заметками о наиболее интересных явлениях в отделе самых простых минералов кремнезема, базальта, о необычайно красивых прожилках в руде самых обычных металлов – свинца и железа. Впрочем, я всегда считал, что у нас тем больше шансов исполнить наши намерения, чем меньше говорим о них. Так что моя тоненькая книжечка вполне достигнет своей цели, если пробудит в некоторых из молодых читателей желание узнать больше. И эта жажда знаний позволит им снисходительно отнестись ко всем недостаткам книги.

Денмарк-Хилл

Рождество 1865 года

Действующие лица

Старый профессор, возраст его трудно определить.

Флорри, по документам, девочка лет девяти.

Изабелла, одиннадцать лет.

Мэй, одиннадцать лет.

Лили, двенадцать лет.

Катрин, четырнадцать лет.

Люцилла, пятнадцать лет.

Виолетта, шестнадцать лет.

Дора, заведует ключами и домашним хозяйством, семнадцать лет.

Египет, прозвана так за угольно-черные глаза, семнадцать лет.

Джесси, всегда лучится радостью, восемнадцать лет.

Мэри, особа, к которой все, включая старого профессора, питают большое уважение, двадцать лет.

Беседа 1. Долина алмазов

Праздный разговор в столовой у камина после десерта.

Профессор. Ну, Изабелла, расскажите, что у вас случилось сегодня после обеда.

Изабелла (жеманно присаживаясь на скамеечке). О, нечто ужасное! Мы с Флорри заблудились в Долине алмазов.

Профессор. Как! В Синдбадской долине, из которой никто не возвращался?

Изабелла. Да, но мы с Флорри оттуда выбрались.

Профессор. Вижу, что вы выбрались, но уверены ли вы относительно Флорри?

Изабелла. Вполне уверена.

Флорри (выглядывая из-за спинки дивана, на котором сидит Профессор). Все верно. (Снова исчезает.)

Профессор. Мне хотелось бы повернее убедиться в этом.

Флорри появляется, целует Профессора и опять прячется за диван.

Профессор. Ну теперь и я, пожалуй, убедился, но как же вам это удалось?

Изабелла. Ведь вы знаете, что орел, поднявший Синдбада, был невероятных размеров, больше всех.

Профессор. А насколько велики были остальные?

Изабелла. Не знаю, я их видела издали. Но один был огромный, с гигантскими крыльями, вдвое больше расстояния от пола до потолка. Уж если он поднял Синдбада, подумали мы с Флорри, то нас даже не почувствует на своей спине. Итак, я взобралась первая, потом втащила Флорри, мы ухватились за его шею и полетели.

Профессор. Но зачем же вы покинули долину и почему не принесли мне алмазов?

Изабелла. А змеи-то! Я так боялась идти, что не решилась поднять ни одного камешка.

Профессор. Не стоило обращать внимания на этих змей.

Изабелла. Да, но ведь они сами могли заметить меня.

Профессор. Боюсь, что мы все обращаем на вас слишком много внимания.

Изабелла. Нет-нет, право же, нет.

Профессор. Вот что я вам скажу, Изабелла: мне не верится, что Синдбад, или Флорри, или вы были когда-нибудь в Долине алмазов.

Изабелла. О, злой! Говорю же вам, что были!

Профессор. Но вы говорите, что испугались змей.

Изабелла. А вы бы разве не испугались?

Профессор. Этих змей – нет. Все, кто действительно побывал в долине, змей не боялись – они очень красивы.

Изабелла (посерьезнев). Но ведь никакой Долины алмазов на самом деле нет, не правда ли?

Профессор. Нет, Изабелла, она существует.

Флорри (появляясь снова). Где же, где? Расскажите о ней.

Профессор. Рассказать-то мне особенно нечего, я знаю только одно: она совсем не похожа на долину Синдбада. В его долине алмазы попадают лишь изредка, а в настоящей они каждое утро ложатся на траву вместо росы. Еще там есть деревья, похожие на кусты сирени, которые весной покрываются аметистовыми цветами.

Флорри. Там, значит, нет и змей?

Профессор. Почему же?

Флорри. Потому что они не появляются в таких прекрасных местах.

Профессор. Я не говорил, что долина прекрасна.

Флорри. Как?! Но вместо росы она усеяна алмазами?

Профессор. Это вам кажется прекрасным, Флорри, а мне роса нравится больше.

Изабелла. Но роса высыхает!

Профессор. Да, было бы лучше, если бы и алмазы тоже высыхали, потому что жителям долины приходится сгребать драгоценные камни в кучи, чтобы расчистить себе проход; к тому же блеск алмазов вреден для глаз.

Флорри. Вы шутите!

Профессор. Так же, как и вы.

Флорри. Да, но вы не должны шутить.

Профессор. Вы слишком строги, Флорри. Почему мне нельзя делать того, что делаете вы?

Флорри. Мне можно, потому что я маленькая, а вам нельзя, потому что вы...
(Подыскивает слово.)

Профессор (сурово продолжает). Потому что я большой? Это совсем неуважительная причина, Флорри. Вы малы – у вас и забав должно быть мало, а так как я большой, то у меня их должно быть много.

Изабелла и Флорри (вместе). Нет, нет, нет. Это не так.

Изабелла (одна, цитируя мисс Инджелу[2 - Инджелу Джин (1820–1897) – английская писательница. [Здесь и далее примечания редактора.]]). Но «ягнята только играют, не зная ничего лучшего». (Склоняет голову набок.) А теперь, пожалуйста, ну пожалуйста, скажите нам правду.

Профессор. Но почему вы хотите, чтобы я сказал вам больше правды, чем скажет вам «Тысяча и одна ночь»?

Изабелла. Потому, что мы хотим услышать о реальных предметах, и вы можете нам рассказать о них. Зачем же обращаться за этим к сказочникам?

Профессор. А что вы называете реальными предметами?

Изабелла. Ну вы же сами знаете! Вещи, которые действительно существуют.

Профессор. Независимо от того, можете вы их видеть или нет?

Изабелла. Да, если их видел кто-то другой.

Профессор. А если никто никогда не видал?

Изабелла (уклоняясь от прямого ответа). Но если вы знаете, что Долина алмазов действительно существует, то кто-нибудь да видал же её.

Профессор. Я бы не стал утверждать этого, Изабелла. Порой люди, оказавшись в реально существующих местах, не видят их – многие проходят и по этой долине, не замечая ее.

Флорри. Но как же они должны быть глупы!

Профессор. Нет, Флорри, они умнее тех, кто видит.

Мэй. Мне кажется, я знаю, где эта долина.

Изабелла. Расскажите нам о ней побольше, и мы догадаемся.

Профессор. Хорошо. К ней по берегу реки, поднимаясь все выше, ведет широкая дорога.

Мэй (делая ударение на последнем слове). Действительно ли дорога поднимается?

Профессор. Ты думаешь, что дорога спускается в долину? Нет, она поднимается; эта долина лежит среди гор и так же высока, как облака, часто окутывающие ее, так что видеть долину не всегда могут даже люди, мечтающие о ней.

Изабелла. А какая река течет вдоль дороги?

Профессор. Должно быть, прекрасная, потому что она протекает по алмазному песку, но вода в ней густая и красная.

Изабелла. Красная вода?

Профессор. Это не совсем вода.

Мэй. Пожалуйста, Изабелла, не углубляйся, мне хочется слышать о долине.

Профессор. Итак, вход в Долину алмазов под отвесными скалами очень широк, но всегда так много желающих попасть в долину, что у входа не прекращается давка и пробираются туда с большим трудом. Тех, кто послабее, оттесняют от входа, и они не попадают в заветную долину. Они стена отходят, но, может быть, в конце концов, им не хуже, чем всем остальным.

Мэй. Но что же видят те, кто сумел войти?

Профессор. Вверху и внизу это такое бугристое поле; дорога обрывается тотчас же, и начинаются большие темные скалы, покрытые дикой тыквой и виноградом. Мякоть тыквы красная, а семена черные, как у арбуза, и на вид они очень красивы. Местные жители варят из них красный суп; но я вам не советую есть его, если вы хотите выбраться из долины (хотя, по-моему, если подмешать довольно муки, он становится вполне съедобным). Там наливаются янтарные грозди дикого винограда. Туземцы говорят, что они слаще меда; на самом деле у них вкус желчи. Есть там и густой терновник, до того колючий, что в любом другом месте его немедленно бы уничтожили; здесь же он покрыт небольшими цветочками в пять лепестков из чистого серебра, на смену которым приходят темно-рубиновые ягоды (красными они становятся, только когда их срывают). Можете себе представить, как много их достается детям! Неприятно только, что одежда и руки у маленьких собирателей оказываются изодраны и исцарапаны.

Лили. Но рубины не могут пачкать платье, как смородина?

Профессор. Нет, а вот тутовые ягоды – очень даже могут. Там, на откосах, целые рощи тутовых деревьев, покрытых шелковичными червями. Представьте, некоторые черви так громко жуют листья, что кажется, будто рядом работает мельница. Тутовые ягоды совершенно черные, но, упав с дерева, они делаются темно-красными и больше уже не меняют цвета. Их-то сок, проходя сквозь траву в почву, и окрашивает в красный цвет воду реки, так как исток ее прячется где-то в лесу. Ветви деревьев скручены, точно от боли, подобно ветвям старой маслины, а листья темны. В лесах Долины алмазов водятся и змеи, но никто их не боится. У змей красивые темно-малиновые гребни, и живут они по одной на дереве, обвиваясь вокруг диких ветвей. А еще змеи с малиновыми гребнями поют – как птицы в наших лесах.

Флорри. О, мне совсем не хочется туда.

Профессор. А между тем вам бы там очень понравилось. И змеи бы вас, конечно, не тронули, опасаться стоило только одного – что вы сами превратитесь в змейку.

Флорри. Но ведь это было бы ужасно.

Профессор. Вы бы так не думали, если бы и вправду обернулись змейкой, а, напротив, очень гордились бы своим гребешком, и до тех пор, пока вы

оставались бы прежней малышкой Флорри (остаться прежней навсегда там невозможно), вы бы с большим удовольствием слушали пение чудесных змей. Они звенят, как цикады в Италии, но выдерживают такт и выводят превосходные мелодии. У большинства змей по семь голов с гортанями, и каждая берет одну ноту октавы, так что они могут петь хором, и, право, это выходит чудесно. Кроме того, светляки летают над опушкой всю ночь. Вы плаваете в море светляков, и все поле кажется волнующимся океаном, в котором отражаются звезды; но остерегайтесь дотрагиваться до них: это не итальянские светляки – они жгутся, как настоящие искры.

Флорри. Все это мне не нравится, я никогда не пойду туда.

Профессор. Надеюсь, Флорри. А если и пойдете, то уж точно вернетесь. Выйти оттуда очень трудно, потому что кроме лесов со змеями там есть гигантские скалы из матового золота, образующие лабиринт, который поднимается все выше и выше, пока золото не начинает дробиться, смешиваясь с глыбами льда. Такие ледники, наполовину изо льда, а наполовину из золота, семь раз промерзнув, свешиваются вниз и наконец падают со страшным грохотом, дробясь на смертоносные осколки, подобные наконечникам стрел знаменитых критских лучников, и превращаясь в снежно-золотистую пыль. Пыль эта при порывах горного ветра вздымается клубами и столбами – золотой пепел, холодный и тяжелый, покрывает тропинки. Путники, попавшие в лабиринт, падают замертво и отправляются на небеса. Те же, кому удастся спастись, в конце концов выбирают на тропинку, которая приводит их к королю долины. Король восседает на троне, а рядом с ним путникам видятся призраки существ, похожих на них самих. Эти призраки тоже восседают на тронах, откуда они как будто наблюдают все царства мира и всю славу их. На балдахине трона горит огненная надпись, которую они селятся прочесть, но не могут, потому что она создана из слов, похожих на слова всех языков, но не принадлежащих ни одному из них. Говорят, англичане находят, что слова эти имеют больше сходства с их языком, чем со всеми прочими. Но единственное сведение об огненной надписи получено от итальянца, который слышал, что сам король использовал эту фразу как военный клич: «Pape Satan, Pape Satan Allepe!»[3 - Данте. Ад. Песнь седьмая.].

Сивилла. А разве все погибают там? Ведь вы говорили, что есть дорога, ведущая в долину и выводящая из нее.

Профессор. Да, но немногие находят ее. У того, кто идет тропинкой, с которой алмазы сметены прочь, и рукой заслоняет глаза от ослепительного блеска, наверное, есть шансы прийти к тому месту, где открывается неприметная расщелина в золотых скалах. Вы были в прошлом году в Шамони, Сивилла; воспользовались ли вы случаем, чтобы осмотреть вершину Эгюий-дю-Миди?

Сивилла. Нет. Мы выехали из Женевы в понедельник ночью, весь вторник шел дождь, а уже рано утром в среду мы должны были вернуться в Женеву.

Профессор. Да? Таков способ Сивиллы осматривать страну внутренним оком. Но вы могли бы видеть вершину во время остановок, если бы облака немного рассеялись. Острый пик одной из скал на южном склоне точно просверлен буровом – там есть маленькое отверстие, которое вы могли бы видеть на высоте семи тысяч футов над долиной (когда облака быстро проносятся позади него или когда небо чисто). Сначала отверстие это кажется белым, потом темно-голубым. Точно такое же отверстие находится и на верхних скалах Долины алмазов, и издали кажется, что оно не больше отверстия игольного ушка. На самом же деле, говорят, через него можно провести навьюченного верблюда и увидеть чудесные вещи с противоположной стороны скалы. Впрочем, мне никогда не доводилось говорить с людьми, прошедшими через это «игольное ушко».

Сивилла. Думаю, теперь мы понимаем, о чем идет речь. Мы попробуем записать все это и хорошенько обдумать.

Профессор. Но, Флорри, хотя все, что я вам говорил, – правда, вы не должны думать, что те бриллианты, которые люди носят в кольцах и в ожерельях, обнаруживают лежащими на траве. Не хотите ли посмотреть, какими их находят на самом деле?

Флорри. О да, да.

Профессор. Изабелла, или вы, Лили, сбегайте в мою комнату и достаньте из верхнего ящика комода сундучок со стеклянной крышкой. (Лили и Изабелла бегут наперегонки.)

Появляется запыхавшаяся Изабелла с сундучком, а за ней Лили.

Профессор. Как, Изабелла, вы, кажется, никогда не могли обогнать Лили, не правда ли?

Изабелла (запыхавшись). Лили опередила меня, но позволила мне... нести... сундучок.

Профессор. Откройте-ка крышку, только осторожнее.

Флорри (заглянув в сундучок, разочарованно). Тут только большой невзрачный бурый камень!

Профессор. Да, не более того, Флорри, и таким считали бы его люди, если бы они были разумны. Но посмотрите, это не простой камень, а кварцевая друза, и в ней, если хорошенько приглядеться, вы увидите золотые блески. Так, а теперь замечаете ли вы эти две белые бусинки, лоснящиеся, как будто покрытые жиром?

Флорри. Можно до них дотронуться?

Профессор. Да, и вы убедитесь, что они не покрыты жиром, а просто очень гладки. Вот каковы эти роковые драгоценные камни. В этом самородке вы можете видеть в одной колыбели двух величайших врагов человечества, врагов более могущественных, чем все враждебные физические силы, заставившие страдать род людской.

Сивилла. В самом деле? Я знаю, что они причиняют много зла, но разве они не делают и много добра?

Профессор. Какого добра, дорогое дитя мое? Подумайте, становилась ли хоть одна дама лучше от того, что носила бриллианты? А сколько женщин стали низкими, легкомысленными и несчастными, обуреваемые желанием заполучить их? Становился ли когда-нибудь мужчина лучше, завладев сундуками, наполненными золотом? Посмотрите историю любой цивилизованной нации, рассмотрите влияние богатства на преступность и несчастья, на жизнь и мысли ее высшего сословия, ее духовенства, купечества и вообще людей, живущих в роскоши. Все другие искушения сводятся, в сущности, к этому. Гордость,

сладострастие, зависть и злоба – все платят дань корыстолюбию. Грех Иуды есть, вообще говоря, главный грех всего мира. Люди не то чтобы не верят во Христа, но они продают Его.

Сивилла. Такова уж человеческая природа! Не случайно возникла эта страсть, не из-за того же только, что был найден в земле прекрасный металл, называемый золотом. Если бы люди не нашли его, то нашли бы что-нибудь другое, и это другое тоже стало бы яблоком раздора.

Профессор. Там, где властям удавалось на время изъять драгоценные камни и металлы из употребления, дух народа остался здоровым. Человеку свойственно не корыстолюбие, а великодушие. Но корыстолюбие может быть вызвано особой причиной, как болезнь – вирусом; и предмет, способный пробудить корыстолюбие, должен быть так прекрасен, чтобы можно было бы с наслаждением хранить его, даже если он совершенно бесполезен. Это главное условие. Вместе с возможностью распоряжаться собственностью в нас зарождается и растет инстинктивное желание побудить и других наслаждаться ею. Если вы прочитали достойную книгу, то захотите, чтобы о ней узнали и другие; если на вас произвела большое впечатление картина, вам захочется показать ее знакомым. Коль скоро вы научитесь хорошо управлять лошадью, плугом или кораблем – пожелаете сделать и из ваших подчиненных хороших наездников, землепашцев и моряков. И вам будет больно видеть, что окружающие портят прекрасные орудия, которыми вы мастерски владеете. Но лишь только наше желание сосредоточивается на чем-нибудь бесполезном, как к этому желанию примешиваются и наша гордость, и наше безрассудство, и в конце концов из людей мы превращаемся в каких-то каракатиц, у которых только и есть, что желудок да щупальца с присосками.

Сивилла. Но ведь, наверное, такие прекрасные вещи, как золото и алмазы, были предназначены для чего-то хорошего.

Профессор. Конечно, дорогая моя, – так же как землетрясение и чума, но их конечной цели мы постичь не в силах. Практическое же, непосредственное значение землетрясения и чумы состоит в том, что они истребляют нас, словно моль; и мы, подобно моли, должны мудро избегать их. Точно так же непосредственное влияние золота и алмазов состоит в усиленном разрушении душ (в каком бы смысле вы ни поняли это слово), драгоценные металлы и камни парализуют нравственные усилия человека и его волю в мире Божьем, и потому мудрая нация избегает их. Если бы деньги, тратящиеся в Англии на гранение

алмазов, в течение десяти лет употреблялись на уничтожение скал, то не осталось бы ни одного опасного рифа, ни одной неудобной гавани на всех наших побережьях. Подумать только: Великобритания сама стала бы алмазом, достойным огранки, настоящим драгоценным камнем. Тогда и мы, несчастные минералогии, могли бы иногда видеть прекрасные кристаллы алмаза, не изуродованные ювелирами.

Сивилла. Разве неграненые алмазы красивы?

Профессор. Нет, но интересны и, возможно, могли бы кое-что прояснить относительно происхождения алмазов.

Сивилла. Я думаю, химики уже умеют делать их.

Профессор. Да, в виде маленьких черных кристаллов, но никто не знает, как они образовались там, где их находят, и действительно ли они там образовались. Тот, что у меня в руках, смыт, по-видимому, с гор вместе с песком и золотом. Что касается золотоносного песка и золота, мы можем добраться до их месторождений, а в том, что касается алмаза, мы этого сделать не можем. Почитайте исследования об алмазе в какой-нибудь хорошей книге по минералогии – вы найдете только перечень месторождений золотых песков или золотоносных конгломератов (того же песка, только старого и слежавшегося). Некоторые говорят, что вначале это был древесный клей, а может быть, и древесный уголь; но куда интереснее узнать, почему и как древесный уголь превратился в Индии в алмаз, а у нас в долине Борроудель – только в черный графит.

Сивилла. Разве графит и алмаз состоят из одних и тех же элементов?

Профессор. В нашем графите есть небольшая примесь железа, но нет ничего такого, что могло бы препятствовать его кристаллизации. Ваши карандаши сплошь состоят из бесформенных алмазов, хотя и для карандашей было бы полезнее, если бы эти алмазы кристаллизовались.

Сивилла. А что такое кристаллизация?

Профессор. Самое время поговорить об этом, когда вы уже наполовину спите и всем давно пора пить чай. Что за легкомысленный народ эти девчонки!

Сивилла. Да, мы легкомысленны, но все равно хотим послушать про кристаллизацию.

Профессор. Милые мои, чтоб рассказать вам об этом, и недели не хватит.

Сивилла. А вы все-таки расскажите. Профессор. По совести говоря, никто толком ничего не знает об этом.

Сивилла. Что ж, тогда расскажите о том, чего никто не знает. Профессор. Ну, бегите и велите Доре приготовить чай.

Все встают, но Старому профессору, конечно, хочется, чтобы его уговорили продолжать беседу, – так оно и происходит.

Беседа 2. Строители пирамид

Беседа проходит в большой классной комнате, куда все собрались по звонку.

Профессор. Итак, вы действительно пришли сюда затем, чтобы побеседовать о кристаллизации. С чего бы это? Вероятно, маленькие девочки думают, что разговор пойдет в том числе и о леденцах.

Самые молодые участники собрания выказывают все признаки недовольствия. Изабелла, насупившись, строго смотрит на Старого профессора и укоризненно качает головой.

Профессор. Знаете ли, милые дети, что, вот так рассевшись по рядам, вы сами кажетесь минералогу конгломератом розовых леденцов, упорядоченных силой

природы? И если даже предположить, что вы нечто большее, тем не менее вы все-таки кристаллизовались, сами того не подозревая. Разве не слышал я суматохи и шушуканья минут десять назад, когда вы возвращались с игр и думали, что не успеете спокойно рассестись до начала нашей беседы? Разве вы не говорили о местах, разве не изумлялись, что маленьких почему-то всегда сажают поближе к профессору? Да, это и был процесс кристаллизации. Когда вы наперегонки бежали из сада по коридору, вы пребывали в состоянии, которое минералог назвал бы состоянием раствора и постепенного сгущения, когда же вы уселись по порядку, каждая на свое место, то кристаллизовались. Точно так же ведут себя и атомы минералов, когда нарушен порядок: они спешат как можно быстрее восстановить его.

Вы, конечно, захотите возразить мне: «Мы знаем наши места, а как могут знать их атомы? Мы иногда спорим из-за мест, а разве атомы (нам совсем не льстит сравнение с ними) спорят когда-нибудь из-за своих?» Хорошие вопросы, если бы вам вздумалось задать их! Я долго размышлял над этим и не стану больше называть вас атомами. Но не позволите ли мне называть вас первичными молекулами? (Сдержанный, но решительный ропот несогласия.) Нет? И пылинками тоже нельзя?

Пауза и печальное недоумение на лицах. Лили выражает общее мнение: «Пожалуйста, не называйте нас так».

Нет, дети, я не назову вас пылинками. И вы, когда вырастаете, не приобретайте дурной и вредной привычки называть так себя. Вы лучше пыли, у вас иные обязанности, чем у пылинок, и узы любви, соединяющие вас, гораздо лучше простого упорядочения.

Но, с другой стороны, старайтесь всегда вести себя по крайней мере не хуже пылинок: помните, что они приходят в беспорядок только по принуждению, когда нет возможности поступать как им хочется. А для нас, дети, принуждение играет иногда совсем другую роль, не правда ли? (Легкий ропот: Старый профессор делает чересчур личные намеки.) Право, я никого конкретного не имею в виду. Но когда вы, Катрин, так краснеете, как не взглянуть на вас? Ну хорошо, вернемся к атомам. «Как они узнают свои места?» – спросите или могли бы спросить вы. Да, им приходится делать нечто большее – отыскивать путь к своим местам, и делать это спокойно и всем одновременно, не сталкиваясь друг

с другом.

Попробую пояснить: предположим, вам надо построить замок с башнями, сводами и колоннами из кирпича известной формы, кое-как сваленного с телеги огромной беспорядочной грудой. Прежде чем строить, вы бы, конечно, сделали множество чертежей, пересчитали бы все кирпичи и, убедившись, что их достаточно для всего здания, стали бы класть фундамент медленно, постепенно, ряд за рядом.

Но в те тоскливые дни, когда дети не читают детских книг и не верят в волшебство, каково было бы ваше удивление, если бы настоящая великодушная волшебница в яркой одежде кирпичного цвета явилась бы из груды красных кирпичей, ударила по ней легонько волшебной палочкой и сказала: «Эй, кирпичики, по местам!» И тотчас же вся груда поднялась бы в воздух, словно рой красных пчел, и вы, привыкшие считать, что пчелы делают соты довольно странным способом, увидели бы, что соты делаются сами собой. Вы, Флорри, хотите что-то спросить: это видно по вашим глазам.

Флорри. Кирпичи превратились бы в настоящих пчел, с жалами?

Профессор. Нет, Флорри, нам нужно лишь представить себе летающие кирпичи. Вспомните, как с крыши в бурю срывает черепицу. Только черепица летит бог весть куда, а мои заколдованные кирпичи, хотя и лишены крыльев, хоть у них нет ни головы, ни глаз, что совсем уж плохо, все-таки находят дорогу к тем местам, которые им предназначалось занять в башнях и сводах. Каждый кирпич прилетает куда и когда следует, и каждый следующий кирпичик плотно прилегает к предыдущему.

Лили. Но кто же эти феи, создающие кристаллы?

Профессор. Есть, Лили, одна великая волшебница, которая может сотворить нечто гораздо большее, чем кристаллы, но и кристаллы она тоже наколдовывает. Мне снилось, будто я вижу, что она строит пирамиды, как строили их во время фараонов.

Изабелла. Это был лишь сон?

Профессор. Некоторые сновидения, Изабелла, правдивее, чем то, что мы видим наяву. Но я не стану вам рассказывать свой сон, если вы не хотите.

Изабелла. Нет, хотим, очень хотим, расскажите, пожалуйста.

Профессор. Бесплезно вам рассказывать: вы все слишком разумны и ничему не поверите.

Лили. Нет, мы не слишком разумны и поверим всему, если вы скажете, что мы должны верить.

Профессор. Хорошо. Дело было так. Помните, Сивилла, тот вечер, когда мы осматривали вашу древнюю пещеру в Кумах и удивлялись, что вы там больше не живете, а затем стали спрашивать себя, сколько же вам лет? А Египет предупредила, что вы нам не скажете и только она знает этот ваш секрет. Вы же рассмеялись – к радости Сивиллы – и сказали, что запряжете нам стаю журавлей, на которых мы, если захотим, можем слетать в Египет и осмотреть все что пожелаем.

Сивилла. Да, и вы отправились, но никак не могли отыскать желаемого.

Профессор. А известно ли вам, что Египет вдвое увеличила свою третью пирамиду и сделала к ней новый вход, и прекрасный вход?! Сначала нужно было пройти через входную камеру, обе двери которой были завалены камнями, затем поднять одну за другой три гранитных спускных решетки. Лишь только мы прошли под ними, как Египет сделала знак кому-то наверху – и двери захлопнулись позади нас со страшным грохотом. Потом мы вошли в коридор, годящийся разве что для крыс, и Египет не пожелала идти дальше, сказав, что мы, если хотим, можем продолжать. Таким образом, мы подошли к отверстию в полу и затем к гранитному люку, но, посчитав, что зашли достаточно далеко, вернулись назад, а Египет только посмеялась над нами.

Египет. Ведь вы сами не захотели бы, чтобы я сняла корону и шла пригибаясь по коридору, годящемуся разве что для крыс?

Профессор. Вовсе не корона, Египет, и вы это отлично знаете, а оборки помешали вам идти дальше. Я предполагаю, однако, что вы охраняли их как символ разлива Нила, и вы правы.

Изабелла. Почему вы не взяли меня с собой? Там, где может пройти крыса, пройдет и мышь. Я бы не повернула назад.

Профессор. Нет, мышка, вы бы свободно прошли, но могли бы разбудить одну из кошек, которая и съела бы вас. Я очень рад, что вас там не было. После всего этого, я думаю, образы тяжелых гранитных блоков и подземной дороги сильно взволновали меня, и потому грезы мои часто принимали форму, противоречившую породившему их ощущению. И вот, прочитав с вами у Бунзена[4 - Бунзен Роберт Вильгельм (1811-1899) - немецкий химик.] о камнях, которые не могут быть подняты рычагами, я стал грезить о камнях, поднимающихся самопроизвольно, словно на крыльях.

Сивилла. Теперь вы должны подробно рассказать нам о них.

Профессор. Мне снилось, что я стоял на берегу озера, со дна которого брали глину, чтобы изготавливать кирпичи для громадной пирамиды Азихиса. Кирпичи эти длинными рядами лежали на берегу. День клонился к вечеру, и я любовался закатом солнца. Вдруг там, где пустыня спускается к долине Нила, показалось что-то вроде темного столба. Я был изумлен, поскольку знал, что никакого столба там нет, а он между тем все рос и мало-помалу приближался, принимая форму великана, который не шел, а неся, словно песчаный вихрь. Когда он приблизился, я увидел, как серебристое облако, ближайшее к солнцу, а в одном месте даже перекрывшее его - как это облако, внезапно отделившись от солнца, быстро двинулось к столбу, словно стрела, пущенная из лука. Мне показалось, что оно светится, но, когда я подошел ближе к темному столбу, облако медленно опустилось и приняло образ прекрасной женщины, чьи прелестные голубые глаза излучали абсолютное спокойствие. Женщина была облачена в белое одеяние, поверх которого ее до колен окутывало облако, пронизанное солнечными лучами. Но только вся золотистая рябь его превратилась в перья, так что образовались два блестящих крыла, как у ястреба. На плече у нее висел ткацкий челнок с пряжей, а в левой руке женщина держала стрелы с огненными наконечниками.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Говоря «воображаемых», я отнюдь этим не отрицаю, что часто позволял себе дружескую бесцеремонность воспоминаний; надеюсь, мои ученицы и их друзья простят меня, так как иначе я не мог бы написать этой книги. Только два эпизода во всех диалогах и история Дотти взяты из жизни. [Примечание автора.]

2

Инджелу Джин (1820-1897) – английская писательница. [Здесь и далее примечания редактора.]

3

Данте. Ад. Песнь седьмая.

4

Бунзен Роберт Вильгельм (1811-1899) – немецкий химик.

Купить: https://tellnovel.com/ru/reskin_dzhon/etika-pyli

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)